

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН**

На правах рукописи

КОНУСОВА Елена Дмитриевна

**КОЛЛЕКЦИЯ АВТОБИОГРАФИЙ
И БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ С. А. ВЕНГЕРОВА:
ФОРМИРОВАНИЕ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

Специальность 10.01.01-10 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2016

Работа выполнена в Отделе новейшей русской литературы ФГБУН Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
заведующая Отделом новейшей русской литературы
ФГБУН Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
Алла Михайловна Грачева

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
кафедры русской литературы ФГБОУ ВО
Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена
Лариса Евгеньевна Ляпина,

кандидат филологических наук, профессор
кафедры филологии и журналистики
Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ, доцент
Лидия Ивановна Шишкина

Ведущая организация:

ФГБОУ ВПО
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
кафедра русской и зарубежной литературы

Защита состоится _____ 2016 г. в 14 часов на заседании Диссертационного совета Д.002.208.01 при Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН по адресу: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Автореферат разослан «__» _____ 2016 г.

Ученый секретарь Специализированного совета,
кандидат филологических наук

С. А. Семячко

Общая характеристика исследования

С. А. Венгеров (1855—1920) вошел в историю отечественной историко-литературной науки как яркий представитель культурно-исторической школы, воспитавший целую плеяду выдающихся библиографов и филологов XX в. Собираение автобиографий было важным направлением его многогранной просветительской деятельности – издательской, литературно-критической и педагогической.

Созданная им коллекция эгодокументов¹ является составной частью богатейшего Архива ученого, хранящегося в Рукописном отделе Института русской литературы (ф. 377). Она складывалась в течение трех с половиной десятилетий, с середины 1880-х гг. до 1920 г. как подсобный инструмент, способствовавший трудам ученого в качестве редактора Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, «Русской литературы XX века» и прежде всего – Критико-биографического словаря.² Однако, вспомогательная роль коллекции, наряду с уникальной картотекой и другими биобиблиографическими трудами Венгерова, такими, например, как «Русские книги» и «Источники словаря русских писателей», не помешала ей со временем приобрести самостоятельное источниковедческое и историко-литературное значение.

Материалы коллекции, насчитывающие более 4000 единиц хранения, отразили интеллектуальную жизнь, надежды и чаяния российской интеллигенции на всем пространстве Российской империи. Персонажами коллекции Венгерова преимущественно были его современники: писатели, журналисты, ученые-естественники, филологи, врачи, юристы, деятели церкви и пр. Однако калейдоскоп имен, фигурирующий на страницах этого обширного собрания, гораздо шире, чем фондообразующий именной перечень. Коллекция представляет собой масштабное полотно, документальную сокровищницу автодокументов, хранящую память о событиях и поколениях, живших и творивших во второй половине XIX – первых двух десятилетиях XX вв.

Объект диссертации – коллекция автобиографий и биобиблиографических материалов С. А. Венгерова.

Предмет настоящего исследования – исторические корни, этапы формирования и историко-литературное значение коллекции; автобиографические тексты коллекции, с точки зрения их видовой и жанрово-типологической принадлежности.

---

¹ Термин «эгодокумент» принадлежит голландскому историку, профессору Амстердамского университета Жаку Прессеру (1899—1970).

² Далее в тексте – КБС.

Цель диссертации состоит во всестороннем изучении коллекции как органической части Архива Венгерова и как самостоятельного, уникального историко-литературного и культурного документального комплекса, сложившегося в процессе нескольких этапов.

Актуальность настоящего диссертационного исследования связана с наметившимся в последнее время повышенным научным интересом к эгодокументам. Проблематика автобиографического описания человека является предметом изучения в целом ряде отечественных и зарубежных изданий, стремящихся к комплексному междисциплинарному исследованию различных сторон индивидуума, созданию его многомерного и вместе с тем целостного образа. При таком подходе в центре внимания находится не только некий абстрактный человек как предмет теоретических размышлений, но и конкретные люди с их житейскими делами, повседневными чаяниями и надеждами.

Важность заявленной темы определяется недостаточной **степенью ее изученности**, что в равной мере относится и к деятельности Венгерова в целом. Действительно, число посвященных ему работ едва достигает пятидесяти, причем около половины их датируется 20-ми гг. XX века. Появившиеся вскоре после кончины ученого, они представляют собой первые попытки осмысления результатов его трудов и, за немногими исключениями, не претендуют на широту и основательность выводов.

В дальнейшем процессе освоению венгеровского Архива мешали внаучные факторы: политические репрессии, коснувшиеся семьи ученого в конце 1930-х гг., и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Негативную роль сыграл и утвердившийся к 1950-м гг. взгляд на Венгерова как на представителя «буржуазного объективизма», проявившегося в якобы «формалистических» методах ученого в области библиографии. Критика также упрекала Венгерова в отсутствии «классового подхода» к истории литературы. Подобные представления сделали невозможным проведение в 1945 г. сессии Книжной палаты, посвященной 25-летию со дня смерти Венгерова.

С конца 1940-х гг. его деятельность рассматривалась преимущественно в контексте истории отечественной библиографии и критики. Изредка появлялись публикации мемуарного характера, рассказывавшие о Венгерове-педагоге. В 1964 г. вышел в свет критико-биографический очерк А. Г. Калентьевой «Влюбленный в литературу. Очерк жизни и деятельности С. А. Венгерова (1855—1920)», где впервые была предпринята попытка обстоятельного освещения основных этапов его жизни и научного служения.

Коллекция автобиографий стала непосредственным объектом пристального внимания лишь с середины 1970-х гг., когда она постепенно начала завоевывать интерес исследователей как уникальный источник сведений об истории отечественной науки и интеллигенции последней трети XIX – первых двух десятилетий XX вв. Существовали объективные причины,

по которым полноценное изучение коллекции было невозможно. Дело в том, что ее научно-техническая обработка, которая соответствовала бы современным архивным правилам и нормам, закончилась лишь в конце 1990-х гг. Несколько ранее началось составление Аннотированного указателя коллекции, завершившееся выходом в свет двухтомника «Русская интеллигенция. Автобиографии и библиографические документы в собрании С. А. Венгерова» (СПб.: Наука, 2001—2010). Это издание открыло новую страницу в изучении коллекции. Оно позволило расширить и уточнить данные о ее структуре, предоставив широкому кругу читателей пользоваться детализированными сведениями об объеме, датировке и содержании каждого входящего в нее документа. В процессе создания указателя появилась насущная потребность целостного взгляда на коллекцию, с точки зрения истории ее формирования, жанрово-типологических характеристик и историко-литературного значения.

Основными **задачами** работы являются:

1. Изучение истории, специфики формирования и использования коллекции Венгерова с середины 1880-х гг. до наших дней.
2. Анализ жанрово-видового состава коллекции.
3. Разработка типологии автобиографических текстов; их классификация на основе повествовательных особенностей с учетом внутренних и внешних обстоятельств, оказавших влияние на форму и содержание «личных историй».
4. Выявление роли коллекции в ряду других сводов жизнеописаний последней четверти XIX в. – первых десятилетий XX в. и определение ее значения как историко-литературного явления.

Хронологические рамки исследования не ограничены исключительно периодом создания коллекции (сер. 1880-х —1920 гг.). Поставленные задачи потребовали рассмотрения связи коллекции с традицией альбомной культуры конца XVIII – первой половины XIX вв. С другой стороны, представлялось необходимым проследить влияние историко-культурных идей и собирательских принципов Венгерова в деятельности библиографов 20-х – 30-х гг. XX в.

Источниковедческой базой настоящего исследования являются: ф. 377 (С. А. Венгерова), ф. 150 (ИРЛИ РАН) и ф. 568 (А. Г. Фомин), хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, а также ф. 290 (П. Я. Заволокин) в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки и ф. 543 (Н. А. Морозов) в Санкт-Петербургском филиале архива РАН.

Методологическую основу диссертации составляет единство историко-литературного и источниковедческого подходов. Теоретической основой работы стали труды филологов и библиографов, занимавшихся всесторонними аспектами исследования эгодокументов:

М. М. Бахтина, В. Г. Безрогова, В. Э. Вацуро, Д. Я. Калугина, М. А. Мануильского, М. Ю. Михеева, В. А. Мыслякова, И. Ф. Петровской.

Новизна диссертационной работы заключается в комплексном изучении коллекции С. А. Венгерова. Она впервые проанализирована как единый документальный комплекс, неразрывно связанный с другими частями Архива ученого; предложена ни разу не проводившаяся типологическая классификация автобиографических текстов; коллекция впервые рассмотрена в контексте других сводов жизнеописаний дореволюционного времени и первых десятилетий советского периода. Перспективы осуществленных в диссертации исследовательских подходов в работе открылись благодаря завершению архивной научно-технической обработки коллекции силами сотрудников Рукописного отдела Пушкинского Дома и выходу в свет Аннотированного указателя к ней. В создании Аннотированного указателя диссертантка приняла непосредственное и самое активное участие.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Изучение истории, специфики формирования и использования коллекции позволило уточнить и значительно дополнить перечень ученых, писателей и просто любителей литературы, которых Венгеров привлек к процессу ее создания. Благодаря усилиям этого своеобразного сообщества «ревнителей КБС», редакционный портфель ученого обогатился критико-биографическими статьями, заметками, различного рода справками, дополнениями и уточнениями. В 1920-е гг. ученики и добровольные помощники Венгерова приложили немало усилий для сохранения Архива ученого как единого целого.

2. Важную роль в жизни коллекции с 1920 г. по 1933 г. сыграл Научно-исследовательский институт книговедения. В этот период ее освоение развивалось в нескольких направлениях. Во-первых, началась работа по систематизации и описанию коллекции, которые заложили основание для дальнейшего учета и итоговой регистрации ее документов. Во-вторых, коллекция стала активно привлекаться в издательских и выставочных целях, и, наконец, были предприняты попытки подготовить первую частичную публикацию ее материалов.

3. Нереализованный в печати «Венгеровский сборник», над созданием которого в 1934—1936 гг. трудились Вс. С. Венгеров и Б. М. Энгельгардт, остается единственным наиболее разработанным научным проектом, предполагавшим масштабную публикацию материалов коллекции.

4. Выделение «формальных» и «индивидуализированных» типов жизнеописаний в коллекции опирается на анализ особенностей автопрезентации. Каждый из них типологически структурирован в зависимости от целевых установок авторов, а также их личностного присутствия в рассказе о себе, связанного с психологией процесса саможизнеописания. В

разделе «формальных» автобиографий выделены «автобиографии в вопросо-ответной форме», «curriculum vitae» и «автобиографии в форме энциклопедической статьи»; в разделе «индивидуализированных» – «автобиографии-исповеди», «автобиографии-мемуары», «беллетризованные автобиографии», «антибиографии» и «автобиографии смешанного типа».

5. Историко-литературная и источниковедческая роль коллекции Венгерова выявляется при ее сопоставлении с другими сводами жизнеописаний 1880-х – 1930-х гг. В ряде сводов автобиографий этого периода выявлена взаимосвязь с историко-культурными идеями и собирательскими принципами Венгерова (коллекции А. Н. Чеботаревской, Ф. Ф. Фидлера, П. Я. Заволокина и И. А. Назарова). Однако, с точки зрения составительских установок, масштабности пространственно-временного и социального охвата, коллекции Венгерова, не имеет аналогов по архивации автобиографического наследия эпохи.

6. Дальнейшее освоение коллекции должно осуществляться с привлечением всего корпуса Архива Венгерова, прежде всего, его эпистолярного раздела.

Научно-практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы в историко-литературных исследованиях, посвященных изучению литературного процесса конца XIX- начала XX в.; в комментариях к научным изданиям произведений русских писателей; в разработке проблем биографики; при подготовке учебных пособий и специальных курсов по истории русской литературы этого периода.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в докладах, прочитанных на международных и всероссийских конференциях: XVIII «Малышевские чтения» (Санкт-Петербург, 1994), Всероссийская научная конференция «Печать и слово Санкт-Петербурга» (Санкт-Петербург, 2009 и 2011), Выездные научные чтения Отдела древнерусской литературы (Ясная Поляна, 2012), Международная научная конференция «Чтения по истории и культуре Древней Руси» (Чернигов, 2013), Международная научно-практическая конференция «Testis temporum. Дневники и воспоминания в русской литературе XX века» (Санкт-Петербург, 2013), XXXVIII «Малышевские чтения» (2014). По теме диссертации подготовлены и опубликованы 9 работ, список которых приведен в конце автореферата.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка литературы, Списка сокращений.

Основное содержание исследования

Во **Введении** сформулирован предмет диссертационного исследования, определены его цели и задачи, дана оценка степени изученности темы, обоснована актуальность, научная новизна и практическая значимость работы.

Глава 1 («Коллекция автобиографий С. А. Венгерова: от рождения к архивному оформлению») освещает важные моменты в истории коллекции с момента ее возникновения; определяет роль своеобразного сообщества единомышленников ученого в создании коллекции; характеризует ее жанрово-видовой состав и выявляет отношение к эпистолярному комплексу всего Архива. Глава состоит из трех разделов.

В разделе **1 («В отеческих стенах: коллекция при жизни С. А. Венгерова»)**, в подразделе **1.1 («Истоки коллекции»)** рассказывается о предыстории собрания. Первые шаги на пути его формирования были предприняты в 1884—1885 гг. в связи с изданием «Истории новейшей русской литературы» и работой над начальными выпусками «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых...»). Именно в эти годы к Венгерovu поступили первые писательские автобиографии. «Личные истории», написанные для КБС, в дальнейшем обеспечили самый значительный прирост коллекции, сформировав ее костяк.

В подразделе **1.2 («Пантеон русской науки и литературы: друзья и покровители»)** выявлена роль неформального сообщества отдельных лиц и целых организаций, способствовавших созданию коллекции. До 1888 г. Венгеров единолично осуществлял работу над КБС. Начиная с 8-го выпуска, он вынужден был прибегнуть к помощи широкого круга не только высокоавторитетных ученых и писателей, снабжавших его критико-биографическими статьями и заметками, но и просто любителей литературы, сочувствовавших замыслу издания и присылавших его редактору различного рода справки, дополнения и уточнения. Все эти материалы обогащали его Архив. Многих своих добровольных сотрудников Венгеров с благодарностью перечислил в Предисловии ко 2-му изданию КБС (1915). Изучение коллекции позволило значительно дополнить этот «благодарственный список» рядом имен, в числе которых историки Д. А. Корсаков и В. К. Трутовский, литературовед П. В. Быков, библиографы Е. Я. Архиппов и Э. П. Юргенсон, рязанский краевед-архивист А. В. Селиванов.

Активное участие учеников и соратников Венгерова в приумножении и сбережении коллекции было следствием характерного для рубежа XIX–XX вв. повышенного общественного интереса к биографии и авторскому жизнеописанию, что подтверждается значительным ростом в этот период числа библиографических справочников и возникновением частных коллекций эгодокументов.

Раздел **2 («В испытаниях и странствиях: жизнь коллекции после смерти С. А. Венгерова»)** представлен двумя подразделами. В первом из них (**2.1. «В Институте книговедения: 1920—1933»**) рассмотрен важный этап истории коллекции Венгерова, связанный с ее пребыванием в стенах этого научно-исследовательского учреждения. В этот период Архив стал доступен многочисленным исследователям, а материалы коллекции начали активно использоваться для подготовки энциклопедических словарей, изданий сочинений

русских писателей, а также для выставочных целей. Одновременно начался медленный и кропотливый труд по систематизации и описанию материалов венгеровского Архива. В 1920-е гг. сотрудники Института А. Г. Фомин, М. И. Савваитский и Н. А. Соколов заложили необходимое основание для полного учета и итоговой регистрации документов коллекции. Особая заслуга А. Г. Фомина состоит в том, что именно он впервые начал разрабатывать концепцию издания материалов коллекции.

В годы нахождения коллекции в Институте книговедения неоднократно и остро вставал вопрос о целостности и сохранности венгеровского Архива. Так, в 1922 г. ему угрожал переезд в Москву и переход в ведение Высшего литературно-художественного института (т. н. «Брюсовского института»), а еще через десять лет – в московский Литературный музей. В настоящей работе удалось реконструировать драматические события, связанные с теми усилиями, которые были предприняты преданными соратниками Венгерова, чтобы уберечь его Архив от возможных потерь.

В подразделе **2.2 («В Пушкинском Доме»)** рассмотрены последующие этапы истории Архива и коллекции. Параграф **2.2.1 («От "Литературного Архива С. А. Венгерова" к "Венгеровскому сборнику"»)** посвящен фактам, оставшимся до настоящего времени за рамками разысканий исследователей. На основе архивных материалов Рукописного отдела ИРЛИ была охарактеризована концепция издания Архива Венгерова, разработанная в середине 1930-х гг. Всеволодом Семеновичем Венгеровым, сыном ученого.

Параграф **2.2.2 («От архивной описи к комплексному научному изданию»)** знакомит с послевоенным этапом в жизни коллекции, когда усилиями сотрудников Рукописного отдела ИРЛИ она обрела современное архивное оформление. Утверждение описи коллекции Центральной экспертной комиссией Архива РАН произошло в 1998 г. Однако еще за восемь лет до этого события при Секторе библиографии и источниковедения, по инициативе В. Н. Баскакова и В. А. Мыслякова, была образована специальная группа по составлению Аннотированного указателя коллекции. Он был призван стать путеводителем по документальным лабиринтам построенного Венгеровым хранилища биографической памяти. Итогом многолетнего напряженного труда сотрудников Института стал двухтомный справочник «Русская интеллигенция». Это издание открыло новую страницу в изучении коллекции, позволив расширить и уточнить данные о ее структуре и предоставив широкому кругу читателей детализированные сведения об объеме, датировке и содержании каждого входящего в нее документа.

Раздел **3 («Структура коллекции»)** представлена двумя подразделами. В подразделе 3.1 («Основной состав коллекции») охарактеризованы виды документов коллекции. За исключением автобиографий и биографий, хранящиеся в ней документы носят сугубо

справочный характер. К их числу относятся, например, библиографические листки за тот или иной год, перечни печатных работ, формулярные списки. Они предоставляют дополнительные, но не обязательно второстепенные данные для характеристики жизненного пути человека: для Венгерова даже незначительные факты, которые авторы сообщали о себе, представляли ценность. Несмотря на кажущуюся информационную скудость, в этих материалах подчас содержатся уникальные сведения биографического характера о том или ином лице. Ярким примером подобного рода документов является краткая записка В. Ф. Боцяновского, в которой литературный критик рассказал о последних часах жизни петербургского художника Н. Н. Герардова.

Подраздел **3.2 («Дополнения к коллекции: фото- и эпистолярные материалы Архива Венгерова»)**, построенный на привлечении материалов из других частей Архива Венгерова, показывает, что действительные границы коллекции выходят за рамки материалов, зафиксированных в 7-ой Описи фонда Венгерова. Прежде всего, речь идет о фотографических портретах, приславшихся Венгеру в купе с автобиографиями. При передаче из Института книговедения в Пушкинский Дом все иконографическое собрание из Архива ученого перешло в ведение Литературного музея ИРЛИ.

Есть и другой аспект, связанный с реальными параметрами коллекции. При составлении Аннотированного указателя «Русская интеллигенция» и в ходе работы над диссертационным сочинением не раз возникала необходимость наведения справок в эпистолярной части Архива. Входящие в нее материалы отражены в Описи 4 венгеровского фонда. На целом ряде примеров удалось показать, что хранящиеся в этом разделе документы напрямую сопряжены с коллекцией и должны рассматриваться в купе с ней, хотя формально и не входят в ее состав. Так, например, убедительным доказательством тесной связи эпистолярных материалов (Оп. 4) с коллекцией автобиографий (Оп. 7) является письмо Я. П. Полонского к Венгеру от 21 января 1888 г. Оно содержит рассказ поэта о себе, но, несмотря на полное право быть частью коллекции, оказалось за ее пределами и вошло в эпистолярный.

Глава 2 («От документа до художественной прозы: коллекция автобиографий Венгерова как гипертекст») является опытом типологической классификации автобиографических текстов коллекции на основе выявления и характеристики их особенностей. С опорой на высказывания корреспондентов Венгерова были проанализированы внутренние и внешние обстоятельства, влиявшие на форму и содержание «личных историй». Глава состоит из трех разделов.

В разделе **1 («Анкеты КБС: путеводная нить или "автобиографическое время"»)** сопоставлены разновидности анкет, разработанных Венгером в ходе работы над КБС с целью получить ответы на особо интересовавшие его вопросы, и прослежена зависимость степени

самораскрытия авторов от личностного восприятия ими анкетного плана. Простота составления рассказа о своей жизни, даже по рекомендованной Венгеровым программе, была мнимой. Между тем, ряд анкетных пунктов («ход воспитания и образования: под какими умственными и общественными влияниями оно происходило», «замечательные события») невольно направлял авторов именно в русло исповедальности. Переключение тональности повествования в план личного, сокровенного нередко становилось для них непреодолимым препятствием, принуждая под различными предлогами уклоняться от этого психологически напряженного процесса. В этих случаях авторы либо ограничивались добросовестно написанной, но совершенно формальной и, как правило, краткой информацией о себе (так, например, поступил Л. И. Пальмин), либо предоставляли «сырой» автобиографический материал, либо передавали право составления собственного жизнеописания третьим лицам (см., например, биографию писателя И. А. Нестроева, составленную журналистом К. С. Поповым).

В разделе 2 («*Типы автобиографий: опыт систематизации*») предложена типологическая классификация автобиографических текстов коллекции. Структура этого раздела является следствием условного деления всего комплекса эгодокументов коллекции на два автобиографии «*формальные*» (2.1) и автобиографии «*индивидуализированные*» (2.2). Главное отличие их друг от друга обусловлено разными способами изображения жизненного пути. Для «формальных» автобиографий характерно преобладание фактографии и сознательное «затушевание» личности автора. В документах подобного рода события жизни рассказчика вырваны из исторического контекста, не отражают ни переломов, ни взлетов, ни падений, т. е. – процесса становления, свойственного человеку на протяжении жизненного пути.

Явственно различаются три типа «формальных» автобиографий: *автобиографии в вопросо-ответной форме* (2.1.1), «*curriculum vitae*» (2.1.2) и *автобиографии в форме энциклопедической статьи* (2.1.3). Жизнеописания, объединенные в первом из перечисленных типов, демонстрируют точное соблюдение анкетного порядка и представляют собой своего рода «учетную карточку» персонажа. В этом случае мы имеем дело не с целостным рассказом, в котором каждый смысловой фрагмент вытекает из предшествующего, а с безличной информацией, заключенной в предельно лаконичную вопросо-ответную форму (автобиографии Н. С. Аринушкина, журналиста П. П. Борисова, писателя Д. П. Голицына и др.).

Главное отличие типа «*curriculum vitae*» от автобиографий в вопросо-ответной форме состоит в том, что они представлены уже целостными повествованиями. Однако для них тоже характерен подчеркнuto формализованный стиль «служебных отчетов», в которых данные о человеке сведены к максимально сухому резюме о роде его занятий. При этом жизнеописание сконцентрировано на тех сторонах деятельности рассказчиков, которые, по их мнению, могли иметь широкий общественный резонанс. В этих случаях авторы предстают не во всей

личностной многомерности, а в графично очерченных контурах своего профессионального бытия. В результате читатель получает сведения о персонаже коллекции только с точки зрения его высоких деловых качеств, но человек с его «лица необщим выраженьем» остается за рамками повествования. Главными маркирующими признаками «*curriculum vitae*» были неизменяемость основных черт характера человека, личность которого константна на протяжении всей жизни (см., например, автобиографии журналиста В. С. Лapidуса, публицистов Ф. Ф. Аристова, М. М. Бородкина и Л. Х. Пиштелича и др.). На фоне официального стиля повествований проникновение в эти тексты редких эпизодов, выявлявших индивидуальность человека, воспринимается почти как диссонанс.

Жизнеописания, включенные в третий тип «формальных» автобиографий, составлялись по форме биографических статей, характерных для таких изданий, как Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона³ и Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона,⁴ либо непосредственно предназначались для них. Среди многочисленных документов этого типа назовем жизнеописания преподавателя русского языка и словесности П. И. Бракенгеймера, прозаика и поэта Б. А. Верхоустинского, юриста, профессора Томского и Варшавского университетов И. А. Малиновского, ученого-медиевиста В. Н. Перетца, писателя-публициста А. С. Панкратова. Эти жизнеописания также ориентированы на сугубую информативность и отличаются в большей или меньшей степени подробными данными о результатах общественно-политической активности, научной и творческой деятельности. Повествования, целенаправленно создававшиеся в жанре энциклопедической статьи, часто невелики по объему. Если в КБС Венгеров публиковал, как правило, весь документ целиком, избегая каких-либо купюр, то при помещении присланных авторами сведений о себе в ЭСБ или НЭСБ сохранялась лишь «статусная» информация, освобожденная от всего, что представлялось «лишним», с точки зрения правил, принятых в этих изданиях при публикации биографической статьи. Например, последовательно изымались данные о гимназическом образовании, подвергались сокращению или вовсе опускались перечни отзывов на произведения того или иного автора; из биографической части исключалось все, что представляло «частное», «домашнее». В результате текст предельно обезличивался и приспособлялся к издательским образцам. Значительное число автобиографий из коллекции Венгерова, готовившихся для помещения в названных словарях, не были использованы в них, и им была уготована архивная судьба.

Для «личных историй», рассмотренных в подразделе 2.2 («*Индивидуализированные автобиографии*»), характерен совершенно другой повествовательный прием, при котором жизнь индивидуума дана уже не в виде застывшего слепка, а в развитии, включавшем в себя, в

---

³ Далее в тексте – ЭСБ.

⁴ Далее в тексте – НЭСБ.

том числе, и основные поворотные, кризисные моменты. При этом голос повествователя, не пытавшегося скрыться за трафаретными лексическими и стилевыми формулами официальных бумаг, ярко персонифицирован, а предоставленные сведения характеризуют человека с точки зрения его уникальности, единичности.

Отличительными особенностями *«Автобиографий-исповедей»* (2.2.1) является повествовательная доверительность, сосредоточенность авторов на себе и чувствах, связанных, как правило, с поисками своего места в жизни. Для автобиографий-исповедей также характерны рефлексия и самоирония, ярко выраженное отношение рассказчиков к своему жизненному пути, их ретроспективное переживание описываемых событий, участниками которых они как бы заново становились. В этой связи для тех, кто писал по плану анкеты, особое значение имело предложение редактора КБС поведать о *«замечательных событиях»* жизни, сконцентрироваться на выделении обстоятельств, которые коренным образом повлияли на дальнейшую судьбу. Этот пункт апеллировал к глубоко интимным переживаниям.

Так, М. П. Арцыбашев считал, что всякий человек проходит испытания, которые «переворачивают психику» и определяют дальнейший жизненный путь. Автор «Санина» полагал, однако, что только самовлюбленный человек может признать их «замечательными», и сам отказывался от обнародования таких фактов своей жизни, относя их к сфере сугубо личного.

Для одних авторов погружение в конфиденциальный мир духовной жизни было подчас настолько болезненным, что они нередко настаивали на том, чтобы Венгеров был единственным «свидетелем» их «личных историй». Об этом, например, редактора КБС настоятельно просил В. Я. Брюсов, настаивая на том, чтобы его «Краткая записка о своей жизни» «ни в каком случае» не попала в печать. Так для многих своих корреспондентов ученый становился конфиденнтом, которому они вверяли секретные ключи к главному и сокровенному. Другие авторы, напротив, эпатировали читателя шокирующим «самообнажением». Таким была опубликованная в 1904 г. в 6 томе КБС автобиография К. Д. Бальмонта, воспринятая некоторыми современниками как болезненное саморекламирование, свойственное литераторам-декадентам.

«Автобиографии-мемуары» (2.2.2) относятся к типу жизнеописаний, представленному объемными автобиографическими эссе или очерками, в которых частная жизнь человека прослеживалась в контексте общественно-политических событий. В автобиографиях-мемуарах внимание к историческим, культурным, бытовым деталям усиливало «прикрепленность» рассказчика к конкретному временному отрезку. В таких жизнеописаниях нередко встречаются замечания типа: «по преданию», «помню», «помнится». Этому корпусу документов, например, принадлежит «личная история» библиографа и книговеда Н. А. Рубакина, педагога и

журналиста Д. И. Тихомирова. Ориентированность на воспоминание позволяла выявить многочисленные пересечения судеб авторов с судьбами других людей. Авторам повествований этого типа было важно осмыслить свою жизнь как органичную часть временного континуума, поведать о себе как о представителях поколения, связанных с ним неразрывными узами. С этим обстоятельством сопряжена «биографическая многослойность» автобиографий-мемуаров, и в пределах одного документа мы подчас сталкиваемся не с одним, а с несколькими жизненными историями (см., например, автобиографии драматурга П. А. Оленина, журналистов М. М. Лисицына и И. И. Попова). Авторы «личных историй» этого типа не столько восстанавливали фактографическую линию своей жизни, сколько стремились воскресить в памяти и передавать читателю аромат времени. В связи с этим жизнеописаниям-мемуарам, как и автобиографиям-исповедям, в отличие от «формальных» рассказов по типу *curriculum vitae*, свойственен особый лиризм и эмоциональная окрашенность.

К типу **«Беллетризованных автобиографий» (2.2.3)** отнесена особая группа писательских жизнеописаний, специфическими чертами которых является композиционная стройность, выверенность стиля, отмеченного печатью авторской индивидуальности и профессионального подхода к работе с текстом. Ряд «личных историй» в коллекции максимально близок к текстам художественной литературы. В них рассказчики вспоминали о действительно происходивших событиях, но воссоздавая их, они вольно или невольно прибегали к художественному вымыслу. При этом стиралась грань между «я» реального автора жизнеописания и «я» литературного персонажа. Хронологический алгоритм, традиционный для автобиографического повествования (рождение, воспитание, обучение, профессиональная деятельность), нередко нарушался лирическими отступлениями и художественными «зарисовками» отдельных событий. Их участники были не просто перечислены (как это, скажем, происходило в рассказах типа *curriculum vitae*), но становились такими же героями повествования, как и сами рассказчики. Наиболее яркими образцами автопрезентаций этого типа являются жизнеописания Вас. И. Немировича-Данченко и В. Савихина.

К типу **«Антибиографий» (2.2.4)** отнесены «личные истории», авторы которых стремились «рассказать о себе многое, не сообщив ничего конкретного». На этом принципе основаны, например, послания М. П. Арцыбашева и Н. О. Лернера. Их отличительной чертой является отсутствие прямых биографических реалий. Антибиографии выстраивались таким образом, чтобы конкретные события жизни автора были скрыты за недомолвками и туманными иносказаниями. С другой стороны, в них то и дело встречаются «автобиографические» оговорки и самохарактеристики, освещающие личность рассказчика и его писательский облик не меньше, чем полнокровные жизнеописания.

К рассматриваемому типу с полным правом можно отнести автобиографические мистификации А. Е. Крученых, Н. А. Клюева, В. Д. Комаровой. Авторские «показания» в них отмечены недоговоренностью, а реальное биографическое лицо спрятано под литературной маской, в процесс разгадывания которой активно вовлекался читатель. Своеобразная биографическая «симуляция» направлена на то, чтобы увлечь читателя, разбудить его воображение и заставить самого догадываться, что в рассказанном связано с судьбой самого автора, а что является лишь интригующим творческим вымыслом.

В параграфе **2.2.5 («Автобиографии смешанного типа»)** показано, что наибольшей степенью типовой определенности обладают «формальные» автобиографии. Однако даже в наиболее безупречных в этом отношении текстах, сознательно писавшихся для энциклопедических изданий, рассказчик нередко отклонялся от изначально поставленной перед собой задачи о предоставлении сведений исключительно справочного характера. В результате происходила контаминация формального и индивидуализированного подходов (см., например, автобиографии писателя В. Г. Голикова и профессора Казанской духовной академии А. К. Волкова).

Внутри группы индивидуализированных «личных историй» ситуация также представляется неоднозначной. Дело в том, что доминирующая повествовательная тональность в них нередко оттеняется нехарактерными для нее обертонами, создающими эффект типовой многомерности. Этим качеством обладают, например, автобиографии Вас. И. Немировича-Данченко, М. М. Лисицына, В. Ф. Булгакова.

В целом изучение коллекции Венгерова позволяет утверждать, что в большом числе случаев прикрепление жизнеописания к одному определенному типу имеет весьма относительный характер. Один и тот же автобиографический текст может обладать как доминантными признаками, позволяющими отнести его к конкретному типу, так и содержать в себе менее выраженные черты других типовых групп.

В разделе **3 («Автобиографический дискурс: pro et contra»)** рассмотрены разноплановые мнения корреспондентов и современников Венгерова о ценностном потенциале «личных историй», их форме и содержании.

Некоторые утверждали безусловную важность автобиографических повествований, полагая, что они позволяют не только лучше понять личность и особенности творчества рассказчика, но и точнее осмыслить характер эпохи (Е. М. Гаршин, И. И. Измайлов). Иные, напротив, отрицали ценность авторских жизнеописаний и в качестве аргумента приводили их неизбежную субъективность и заведомую неискренность (М. П. Арцыбашев, А. Ф. Плющинский и др.). Одни рассматривали автобиографию исключительно в информационном ключе (А. И. Бабухин и др.). По мнению других, автобиографическая история

должна была выявлять индивидуальный облик человека (Н. Я. Грот, К. М. Оберучев). С точки зрения ряда венгеровских корреспондентов, раскрытие индивидуальности следовало связывать не с фактами личной жизни, а с творческой автобиографией, отражающей не внешнюю канву судьбы человека, а, прежде всего, его внутренний микрокосм, который следует раскрывать не посредством «разбалтывания» интимных подробностей жизни, а путем погружения в творческий мир художника (П. А. Васильев, И. А. Гриневская).

Глава 3 («Соратники, ученики и последователи С. А. Венгерова: коллекции автобиографий конца XIX – первой трети XX веков»), состоящая из шести разделов, посвящена анализу места коллекции жизнеописаний Венгерова среди других сводов автобиографий дореволюционного времени и первых двух десятилетий советского периода. Решение этой задачи потребовало рассмотрения принципов их составления и встречающихся в них формах автобиографического повествования.

В разделе 1 (*«"Я видел альбомы, которые драгоценнее всех диссертаций..."»*) рассмотрен альбом М. И. Семевского «Знакомые» (1888)», занимающий по своей форме и значимости особое место среди других сводов жизнеописаний. Следуя угасшей традиции альбомной культуры, он отразил финальную страницу в развитии традиционного «памятного альбома» пушкинской эпохи. С другой стороны, превалирование автобиографических текстов в «Знакомых» свидетельствовало о новых общекультурных тенденциях, выразившихся в усилении внимания к «личной истории» человека. Среди автобиографических свидетельств в Альбоме имеется и жизнеописание создателя КБС. Возможно, идея собственного архива «личных историй» родилась у Венгерова, когда он познакомился с Альбомом Семевского и разглядел в нем огромный историко-литературный и культурный потенциал.

Раздел 2 (*«Юбилейные сборники автобиографий»*) состоит из двух подразделов: *«Автобиографический "капустник" в честь главы нововременцев» (2.1)* и *«Русские ведомости. 1863—1913» (2.2)*. Автобиографическим текстам в первом из названных изданий свойственна литературная обработанность и настроенность на мемуарный лад. В подавляющем большинстве составители жизнеописаний в этом Альбоме, так или иначе, сводили свои рассказы к встрече с Сувориным и стремились в письменной форме высказать благодарность человеку, от которого в известной степени зависела их журналистская судьба.

Сборник «Русские ведомости. 1863—1913» представлен, главным образом, биографиями. Собственно автобиографический пласт составляет минимальную часть сборника. Содержание «личных историй» в нем высвечивает две темы, на отражение которых, вероятно, были ориентированы его участники. Во-первых, они, как и писавшие в Альбом «А. С. Суворину на память...», были заложниками юбилейного характера издания, что диктовало необходимость обязательного освещения их сотрудничества в газете. Во-вторых, их авторам предлагалось

рассказать о самых «сильных», ярких страницах в своей жизни. Несмотря на отсутствие жестких рамок, подавляющее число текстов в сборнике, в отличие от «суворинского», написано в скупой форме словарной статьи. Лишь немногие автобиографии вышли за подобные жанровые рамки, включив в себя мемуарный элемент. Нововременцы адресовали свои повествования в основном центральной фигуре в газете – ее бессменному издателю и редактору А. С. Суворину. Это обстоятельство повлияло на искренность, задушевность, одним словом – неформальность их «личных историй». У «Русских ведомостей» была другая задача – создать справочник, в котором можно было бы отыскать биографические либо автобиографические сведения о людях, в разные годы сотрудничавших в газете. Этот фактор определил жанровые рамки словарной статьи, в которые были заключены жизнеописания в сборнике.

Комплиментарность, свойственная обоим сборникам, совершенно не характерна для коллекции Венгерова. В ее материалах, действительно, нередко встречаются просьбы о помощи в литературном труде и благодарность за предоставленную возможность рассказать о себе. Однако авторы составленных по просьбе Венгерова жизнеописаний не были стеснены необходимостью «раскланиваться» с составителем КБС. Перед его корреспондентами стояла другая задача: как можно полнее осветить свой жизненный путь, закрепить его в автобиографической памяти будущих поколений.

Локальные и ограниченные узким профессиональным кругом своды автобиографий нововременцев и сотрудников «Русских ведомостей» безоговорочно проигрывают на фоне широчайшего охвата всех слоев российского образованного сообщества в коллекциях Венгерова и Семевского. Это обстоятельство по праву позволяет считать их крупнейшими фигурами в деле собирания и публикации «личных историй» современников, хотя нельзя не признать, что архив жизнеописаний редактора КБС был гораздо более многолик и разнообразен.

Раздел **3** (*«Автобиографический декор»*) посвящен сводам автобиографий, собранных О. Норвежским в «Литературном календаре-альманахе» (3.1) и М. Л. Гофманом в «Книге о русских поэтах последнего десятилетия» (3.2).

Авторские жизнеописания молодых писателей в первом из названных изданий (1908) датированы августом-сентябром 1907 г. Прежде всего составитель исходил из конкретной задачи – обеспечить финансовый успех книги. В связи с этим размещенные в ней «личные истории» были лишь частью общего замысла, элементом, призванным нарушить алгоритм справочного издания, внести в него привлекательный для читателя колорит.

С точки зрения полноты представления литературных сил страны, О. Норвежский был заочно солидарен с Венгеровым. Однако им руководило не венгеровское стремление к словарной точности и фактографичности жизнеописаний, к изысканной детализированности

библиографических сведений, а желание добиться читательского интереса подробностями внутренней жизни персонажа и тем самым обеспечить коммерческий успех издания. Несомненно, создатель КБС тоже рассчитывал на широкое внимание читающей публики. В то же время его первостепенной задачей было создание масштабного и многокрасочного полотна духовной и общественной жизни русского общества, а не развлечение читательской аудитории и возбуждение ее досужего любопытства «живым», а иногда и пикантным автобиографическим материалом.

Каждая из персональных глав в «Книге о русских поэтах последнего десятилетия» включала автобиографию поэта, критическую статью о нем и завершалась несколькими поэтическими образцами творчества. Трехчастная композиция должна была способствовать созданию многомерного, объемного представления о персонаже. Еще одним элементом, помогавшим воплощению замысла Гофмана, стало художественное оформление книги. К этому процессу неслучайно был привлечен немецкий художник Генрих Фогелер-Ворпсведе (1872—1942) – одна из центральных фигур в искусстве Германии конца XIX — начала XX вв.

В отношении к изданиям «личных историй», осуществленных О. Норвежским и М. Л. Гофманом, правильнее говорить не о коллекции, а о некотором подборе автобиографических текстов. Если в «Литературном календаре-альманахе» он носил скорее случайный характер, то в «Книге о русских поэтах последнего десятилетия» строго определялся главной темой издания. Тем не менее, для обоих составителей этих книг публикация жизнеописаний не была главной целью, но служила некоторым дополнительным элементом, призванным «украсить» их издания. В первом случае «автобиографический декор» придавал живое звучание справочному изданию с тем, чтобы привлечь к нему внимание публики; во втором был направлен на общее художественно-эстетическое восприятие содержания книги.

Раздел 4 («*"Сопутники" Венгерова: коллекции писательских автобиографий 1900—1910-х гг.*») рассказывает о коллекциях А. Н. Чеботаревской (4.1) и Ф. Ф. Фидлера (4.2).

В 1900-е гг. интерес к личному, персональному не угас. Напротив, прежде инициированные «эго»-коллекции продолжали расти, а также появились новые, пусть не столь фундаментальные и более скромные по задачам, нежели венгеровская, однако не менее значимые. Возникли собрания, посвященные сугубо писательским жизнеописаниям.

Первая из названных коллекций сформировалась в 1904—1910 гг. в рамках задуманного составительницей словаря «Краткие биографические данные русских писателей за последнее 25-летие русской литературы». В отличие от редактора КБС, А. Н. Чеботаревская не ставила перед собой задачу создания справочника, тотально фиксирующего интеллектуальные, общественные и культурные силы нации вне привязки к оценочным категориям «знаменитый», «великий». Ее коллекция ограничена автобиографиями писателей и поэтов, чья деятельность

пришлась на двадцатипятилетие рубежа XIX—XX веков и в той или иной степени уже получила признание. В силу этого обстоятельства, с точки зрения составительских принципов, объема, временных рамок и охвата имен коллекции Венгерова и Чеботаревской несопоставимы. Тем не менее, в их основе лежало общее представление о взаимосвязи биографических обстоятельств и творческих интенций, а также желание представить современный литературный процесс во всей его многоликости. Общий алгоритм строительства выявил другое сходство двух коллекций: обе появились как вспомогательные инструменты, сопровождавшие создание словарей.

Составитель КБС ставил перед собой историко-литературную задачу создания широчайшей автобиографической «базы данных», предназначенной для строительства здания истории отечественного просвещения. Этот принцип исключал для Венгерова избирательность в подходе к автобиографическому материалу, свойственную сводам Чеботаревской, О. Норвежского и Гофмана. В равной степени создатель крупнейшей коллекции жизнеописаний современников был далек и от утилитарных целей «Литературного календаря-альманаха», и от тонченно-эстетизированного художественного подхода «Книги о русских поэтах...».

Сбор и публикация автобиографий означала для составителя «Первых литературных шагов» Ф. Ф. Фидлера то, что он вступал на путь, по которому уже давно шел Венгеров. Их объединяла и сплачивала многолетняя дружба и страсть к архивации документальных, изобразительных и книжных материалов, фиксировавших отечественную историко-культурную память. Деятельность обоих собирателей вылилась в создание богатейших коллекций, которые по праву называли «учреждениями», «литературными музеями».

Тем не менее, враждебной конкуренции между ними не было. Именно тематическое ограничение жизнеописаний «первыми литературными шагами» позволило Фидлеру занять свою, отличную от венгеровской коллекции, нишу. Сведением под одну обложку «личных историй» людей, почти наверняка переживших на пути в литературу одни и те же трудности, Фидлер решал благородную задачу: показать начинающим литераторам через автобиографии их старших коллег, что они не одиноки на нелегкой стезе российской словесности.

Раздел 5 («Ученики и последователи Венгерова: коллекции автобиографий 1920-х — 1930-х гг.») рассказывает о малоизученных автобиографических коллекциях, возникших благодаря усилиям последователей венгеровской библиографической школы: П. Я. Заволокина (5.1) и И. А. Назарова (5.2).

Антология «Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами» (1925) отразила лишь часть свода эгодокументов, созданного поэтом, журналистом и библиографом П. Я. Заволокиным (1878—1941). На основе преимущественно архивных и немногих печатных источников прослежены этапы формирования его коллекции.

В работе над нею он следовал примеру Ф. Ф. Фидлера, а непосредственным наставником Павла Яковлевича был Венгеров. Личность и труды редактора КБС были для литератора не только отправной точкой и примером для подражания в деле собирания автобиографических свидетельств эпохи, но также стимулом к самообразованию и толчком к собственным начинаниям в области библиографии.

В отличие от Заволокина, И. А. Назаров (1878—1962) не был лично знаком с составителем КБС и напрямую не являлся его учеником. Опосредованно, через автора антологии «Современные рабоче-крестьянские поэты...», он воспринял идеи Венгерова и воплотил их в своей собирательской деятельности. Однако попытки Назарова издать материалы своей коллекции автобиографий были длительными и безуспешными.

Выходцы из народных низов П. Я. Заволокин и И. А. Назаров обратили внимание на «личные истории» тех, кто был особенно близок им по происхождению и творческим устремлениям – к участникам общего процесса демократизации литературной жизни конца XIX – начала XX вв., когда одновременно с деятельностью литераторов-профессионалов заявили о себе пролетарские и крестьянские писатели и поэты.

Раздел 6 («*Забытая традиция: домашний альбом П. К. Симони*») завершает главу рассмотрением своего рода гостевого альбома автобиографий, собранных известным историком литературы, книговедом и палеографом П. К. Симони (1859—1939), хорошо знавшим Венгерова, в частности, по работе в Русском библиологическом обществе. Альбом преимущественно состоит из автобиографий людей, посещавших дом Симони в 1928—1929 гг. В профессиональном отношении это был узкий круг специалистов-гуманитариев: историков, этнографов, фольклористов, библиотековедов, филологов. В августе 1929 г. набрало силу так называемое «Академическое дело». Вероятно, это обстоятельство наложило суровый отпечаток на историю этой небольшой коллекции, хранящейся в РНБ: четверо из четырнадцати лиц, предоставивших Симони сведения о себе, пострадали в результате этой кампании.

В **Заключении** подведены итоги исследования и сделаны следующие выводы:

1. Коллекция автобиографий и библиографических материалов С. А. Венгерова прошла в процессе своего формирования два главных этапа. Первый этап (1885—1920) пришелся на годы жизни самого Венгерова и был временем подбора, накопления и постепенного выстраивания архитектуры Архива. В этот период Венгерovu удалось сплотить вокруг себя круг добровольных помощников, сыгравших значительную роль в создании, а впоследствии и в сбережении его коллекции и Архива в целом. Второй этап (1920—2010) стал периодом научной обработки и окончательного оформления коллекции.

2. Автобиографические тексты коллекции могут быть рассмотрены с точки зрения их типологической классификации, зависящей от целевых установок, психологических аспектов и повествовательных приемов автопрезентации.

3. Созданный Венгеровым огромный свод «личных историй» тесно связан с другими разделами венгерского Архива, что позволило ученому использовать понятие «автобиографический» применительно ко всему своему собранию. Исследование коллекции показало, что наиболее очевидной является условность границ между его эпистолярной частью и коллекцией жизнеописаний.

4. Уникальное источниковедческое и историко-литературное значение коллекции выявляется при рассмотрении ее в контексте сводов жизнеописаний, возникших в 1880-е – 1930-е гг.

Список литературы сопровождается списком сокращений.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:⁵

1. Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С. А. Венгерова: Аннотированный указатель / под ред. В. А. Мыслякова. СПб.: Наука, 2001. Т. I. 639 с.

Автор-составитель описаний архивных материалов по литерам «Б», «В», «З» — «К».

2. Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С. А. Венгерова: Аннотированный указатель / сост. Е. Д. Конусова, Н. Н. Лаврова, В. А. Мысляков / под ред. В. А. Мыслякова. СПб.: Наука, 2010. Т. II. 763 с.

3.* Коллекция автобиографий и библиографических документов С. А. Венгерова: жанровый аспект // Русская литература. 2010. № 4. С. 192—201.

4. Петербургская коллекция автобиографий и биобиблиографических материалов С. А. Венгерова // Печать и слово Санкт-Петербурга: сб. науч. трудов (Петербургские чтения – 2009). Ч. 1. / сост. и науч. ред. Е. М. Табориская. СПб.: СПГУТД, 2010. С. 129—134.

5. Петербургские корни российской биографики // Печать и слово Санкт-Петербурга: сб. науч. работ (Петербургские чтения – 2010). Ч. 1 / сост. и науч. ред. Е. М. Табориская. СПб.: СПГУТД, 2011. С. 102—107.

6. По страницам коллекции автобиографий С. А. Венгерова (письмо М. П. Арцыбашева С. А. Венгерову) / вступ. заметка и примечания Е. Д. Конусовой // Текстологический временник. Вып. 2. Русская литература XX в. Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 533—539.

---

⁵ Знаком* отмечены публикации в изданиях списка ВАК.

7* Штрихи к биографии В. Н. Перетца (по материалам коллекции автобиографий С. А. Венгерова) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 356—364.

8* К теме: Лев Толстой и русская интеллигенция (по материалам коллекции автобиографий С. А. Венгерова) // Русская литература. 2013. № 1. С. 130—137.

9* Международная научно-практическая конференция «Testis temporum. Дневники и воспоминания в русской литературе XX века» // Русская литература. 2014. № 2. С. 309—316.